

ПРЯЖНАЯ ИГРА

МАРИЯ ОРЛОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Орлова

Грязная игра

«Автор»

2026

Орлова М.

Грязная игра / М. Орлова — «Автор», 2026

Корабли Аудэ пришли без предупреждения. Они не разрушали города — они дарили рай. Бесплатная еда, чистая вода, лекарства от всех болезней. Армии распущены, границы стёрты, деньги больше не нужны. Человечество вступило в Золотой Век. Но бывший студент Бауманки, а теперь инженер-неолуддит Егор Верещагин чувствует: что-то здесь не так. У Егора есть старый паяльник, самодельный дешифратор и информация, которая может спасти человечество. Но чтобы отправить сигнал в Галактический Совет, нужно проникнуть на вражеский корабль. И сделать это раньше, чем пришельцы вычислят шпиона. Роман «Грязная игра» — это антиутопия без пафоса. О крысах, которые вредят пришельцам больше ракет. О кофе, который горчит, когда теряешь себя. Об инженере, который спасает мир не суперсилой, а паяльником и упрямством. И о том, как не стать овощем в мире, где рай подают на тарелочке. А ведь самый "фарш" еще впереди!

© Орлова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 1	12
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Грязная игра

Вступление

Тот вечер ничем не отличался от тысяч других майских вечеров.

Солнце садилось за горизонт, оставляя на небе оранжево-розовые разводы. В Москве, Нью-Йорке, Лондоне, Пекине, Токио, Сиднее и десятках тысяч других городов люди занимались своими делами. Кто-то возвращался с работы, вел детей из сада, кто-то стоял в пробках, кто-то сидел в кафе с чашкой кофе. Обычный вечер обычного дня обычной планеты.

Первым проблему в небе заметил диспетчер в аэропорту Шереметьево.

— У меня тут странный глюк на радаре, — сказал он напарнику, показывая на экран. — Смотри, какая-то группа целей. Огромная. Не движется.

Напарник глянул, пожал плечами:

— Солнечная активность, помехи. Спишем на оборудование.

Но списать не получилось. Потому что ровно в ту же минуту диспетчер в Хитроу увидел то же самое. И в Шанхае. И в Чикаго. И в Мельбурне.

За следующие пятнадцать минут радары по всей планете зафиксировали тысячи объектов. Они висели в воздухе — над крупными городами Земли, над каждой столицей, над каждым промышленным центром. От одного до нескольких десятков объектов над каждым — в зависимости от размера города.

Их не было еще пять минут назад. Они не появились из космоса, не вышли из атмосферы, не сошли с орбиты Земли. Словно просто появились. Из ниоткуда.

В небе над Москвой их было тридцать семь.

Люди заметили их не сразу. Вечернее небо еще хранило остатки заката, и огромные серебристые диски — каждый размером с микрорайон — сначала приняли за облака необычной формы. Но облака не висят неподвижно в безветренном небе. И облака не подсвечиваются изнутри холодным белым светом.

Первыми закричали дети. Потом замерли взрослые, задрав головы. Зеваки снимали на телефон — тысячи роликов, заполнившие социальные сети странным контентом. Автомобили сигналили, встав в пробки, собаки захлебывались лаем. Паникуя, город закричал сиренами служб.

Самолеты экстренно сажали — не потому, что диспетчеры дали команду, а потому что пилоты отказывались летать, видя перед собой серебристые громады. В Шереметьево, Домодедово, Внуково за пять часов скопилось больше ста бортов. Люди не выходили из самолетов — они боялись ступить на землю, на которой только что появились пришельцы.

Правительство России выступило с заявлением через три часа.

«Граждане, сохраняйте спокойствие. Ситуация под контролем. Вооруженные силы приведены в состояние полной боевой готовности. Мы ведем переговоры с представителями... с теми, кто находится на орбите. Информация будет предоставляться по мере поступления».

Никаких переговоров никто не вел, потому что пришельцы просто молчали.

Они недвижно висели над городами, как нарисованные. Не подавали сигналы и не отвечали на попытки радиосвязи. Не реагировали на дипломатические ноты, на обращения генсека ООН, на молитвы священников всех конфессий, которые вышли на площади и читали проповеди прямо в небо.

Первая ночь прошла в напряжении. Люди не спали. Смотрели в окна на серебристые диски, которые светились в темноте ровным холодным огнем. Новостные каналы в каждой квартире работали круглосуточно. Эксперты — военные, политики, уфологи, астрофизики,

психологи — сменяли друг друга в студиях, повторяя одно и то же: «Мы не знаем, кто это. Мы не знаем, чего они хотят. Мы не знаем, что будет дальше».

На второй день началась паника.

Правительства США и Китая первыми отдали приказ о приведении ядерных сил в состояние максимальной готовности. Через час о том же объявила Россия. Ракетные шахты расконсервировали, бомбардировщики с ядерным оружием на борту подняли в воздух — на всякий случай, чтобы его не уничтожили на земле. Пришельцы не реагировали.

Два американских истребителя поднялись на перехват над Нью-Йорком. Они подлетели к ближайшему диску, облетели его по периметру. Операторы на земле слышали, как пилоты матерились в открытый эфир — настолько огромным был объект. Никаких иллюминаторов, никаких антенн, никаких признаков жизни. Гладкая серебристая поверхность, отражающая небо как зеркало.

Команда на атаку не поступала — никто не хотел стрелять первым. Но когда один из пилотов случайно приблизился слишком близко, электроника его самолета отказала. Истребитель потерял управление, вошел в штопор и рухнул в Атлантический океан в ста милях от побережья. Пилот катапультировался.

Другой истребитель был вынужден вернуться на базу. Неудачная разведка? Отнюдь. Негативная информация — это тоже информация.

Пришельцы даже не шелохнулись.

К вечеру люди начали успокаиваться. Организм не может жить в постоянном страхе — наступает усталость, апатия, примирение. «Если они хотят убить, — рассуждали люди, — они бы уже убили. Раз не убивают — значит, не хотят». Логика спорная, но она работала. Магазины снова открылись. Люди вышли на работу. Дети вернулись на игровые площадки — в небо, конечно, поглядывали, но уже без прежнего ужаса.

Третье утро началось с новостей. Спутники зафиксировали: теперь и над небольшими городами и поселками появились корабли пришельцев. Спутниковые снимки показывали скопление дисков, подобное сети. Словно паутина с каплями росы. И эта сеть покрыла всю планету.

— Они готовятся к высадке, — авторитетно заявил военный эксперт в прямом эфире. — Или к бомбардировке. Армия должна быть готова.

Армия была готова. Ракеты нацелены. Солдаты в окопах. Генералы в бункерах. Планета замерла в ожидании. Но никто не напал.

Корабли висели в небе, и на них нельзя было смотреть без содрогания — не от страха, а от чувства собственной ничтожности. Три дня человечество ждало конца. Три дня, которые изменили все. Потому что на четвертый день пришельцы заговорили.

Их голос шел не из динамиков телевизоров. Не звучал в телефонах. Он даже не транслировался по радио. Он звучал внутри голов. Каждого человека на планете одновременно. На том языке, который человек считал родным. С одинаковой громкостью — не громко, не тихо, просто отчетливо, как будто кто-то сидел напротив в тихой комнате.

«Жители Земли».

Первая реакция — шок. Люди падали, кричали, хватались за головы. Миллионы людей на улицах замирали как вкопанные. Водители бросали руль. Пилоты хватались за панели. Хирурги останавливались со скальпелями в руках.

«Не бойтесь. Мы не причиним вам вреда. Если бы мы хотели вас уничтожить, вы были бы мертвы еще вчера. Или год назад. Или тысячу лет назад. Мы наблюдаем за вами давно».

Человечество слушало.

«Мы называем себя Аудэ. На вашем языке это примерно означает "Те, кто смотрит вперед". Мы путешествуем между звездами. Мы видели сотни миров. Мы общались с десятками разумных видов. Вы — не самые умные, не самые сильные, не самые древние. Но вы — самые интересные. Интересные нам».

Пауза. Длинная пауза. Казалось, голос замолчал навсегда. Но он вернулся.

«Вы убиваете друг друга за территории, которых у вас в избытке. Вы уничтожаете планету, на которой живете. Вы тратите время на вещи, которые не имеют значения. И при этом вы создаете музыку, от которой хочется плакать. Вы пишете стихи о любви, но готовы изменять любимым по щелчку пальцев. Вы лечите тех, кто не может заплатить, но убиваете себе подобных из-за ерунды. Вы противоречивы. Это интересно. Это ценно».

Дипломаты в ООН не спали третьи сутки. Генеральный секретарь пытался взять слово, но пришельцы не давали пауз для ответа. Они говорили, и Человечество слушало.

«Мы предлагаем вам сделку. Мы дадим вам все, что нужно. Энергию. Еду. Воду. Лекарства. Технологии. Вы перестанете болеть. Вы перестанете голодать. Вы перестанете воевать — потому что вам не за что будет воевать. Мы построим для вас новый мир. Бесплатно. Без условий. Просто примите дар».

Люди переглядывались. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

«Мы не требуем веры. Не требуем поклонения. Не требуем подчинения. Мы просто видим, что ваш вид заслуживает лучшего. И мы можем это дать. В каждом городе, где есть хотя бы тысяча жителей, появится Центр Развития. Войдите туда. Возьмите то, что нужно. Выходите. Никакой платы. Никаких обязательств. Просто — живите».

Голос замолчал. Люди стояли в тишине. Одни плакали. Другие смеялись. Некоторые падали на колени и молились — не важно кому, лишь бы отблагодарить.

Правительства попытались взять ситуацию под контроль. Телеканалы прервали трансляцию сообщением: «Сохраняйте спокойствие. Не поддавайтесь панике. Не приближайтесь к неопознанным объектам. Дождитесь официальной информации».

Но люди уже не слушали. Потому что Центры действительно появились.

На месте каждой городской площади, в центре каждого крупного микрорайона, на месте снесенных — неизвестно кем и когда — старых зданий стояли серые кубы. Матовые, без окон и дверей, высотой с пятиэтажный дом. Они выглядели так, будто стояли здесь всегда — просто люди их не замечали.

Первые смельчаки появились через час. Они подходили к гладким серым стенам, трогали, стучали. Стена была теплой — не горячей, не холодной, просто температуры тела. И гладкой — настолько, что пальцы скользили.

Потом стена исчезала.

Не открывалась — именно исчезала. Часть стены становилась прозрачной, таяла, оставляя проход. Внутри — ровный серый пол, ровный серый потолок, и стойки. Белые, гладкие, без надписей. На стойках — все, что люди могли пожелать.

Хлеб. Вода в бутылках. Теплые одеяла. Обувь. Детские игрушки. Лекарства в упаковках без названий. Инструменты. Батарейки. Смартфоны — новые, мощные, без логотипов.

Первые люди брали понемногу — боялись. Оглядывались. Ждали подвоха. Но подвоха не было. Они выходили с полными руками и живыми глазами. Рассказывали соседям. Соседи шли следом.

К концу первого дня у Центров стояли очереди.

К концу недели очереди растянулись на километры.

К концу месяца люди дрались за место ближе к входу — не потому, что еды не хватало (еды было в избытке), а потому, что боялись: вдруг завтра двери закроются? Вдруг пришельцы передумают? Вдруг это сон?

Это был не сон.

Пришельцы не передумали.

Центры работали круглосуточно. Без выходных. Без перебоев. Полка, с которой взяли последнюю буханку хлеба, через минуту снова наполнялась. Вода в кулерах не кончалась. Человечество получило рай на блюдечке, но пока не знало, что с этим делать.

К концу первого месяца люди перестали запасаться. Зачем? Центр никуда не денется. Он всегда рядом. Всегда открыт. Всегда полон. Бесплатен.

К концу второго месяца люди перестали работать. Не сразу. Не все. Первыми ушли те, чья работа потеряла смысл. Продавцы — зачем торговать, когда все бесплатно? Кладовщики, логисты, водители грузовиков — зачем перевозить, когда Центры есть в каждом районе? Охранники — зачем охранять то, что не нужно воровать?

К концу третьего месяца закрылись первые заводы.

Станки встали. Рабочие разошлись по домам. Директора пытались звонить в правительство, но правительство уже не отвечало — у него хватало своих проблем. Деньги, обесценившиеся за месяц, теперь не нужны были даже в качестве туалетной бумаги.

Власти пытались бороться. Ввели лимиты на продукты первой необходимости — не помогло. Люди просто перестали ходить в магазины. Зачем платить за то, что можно взять бесплатно?

Ввели налог на «безвозмездное получение благ». Люди перестали декларировать. Проверить миллиарды ежедневных посещений Центров не мог никто.

Пытались закрыть Центры — и получили бунты. Первые — в Париже, где полиция перекрыла вход в Центр на площади Бастилии. Три дня баррикад, сто пятьдесят пострадавших, десятки арестованных. И волна протестов по всей Европе.

Пришельцы не вмешивались. Они просто наблюдали.

Центры продолжали функционировать.

К концу первого года перестали существовать армии.

Военные просто ушли. Уволились. Сначала они задавали себе вопрос: «Зачем мне держать оружие, если врага нет?» Потом просто стали массово покидать гарнизоны.

Границы стерлись сами собой. Заборы и вышки остались безмолвными памятниками человеческой глупости, но их уже никто не охранял. Визовый контроль — прикол истории. Паспорта — кусочки пластика с неработающими чипами. Люди ездили, куда хотели. Пересекали границы, даже не замечая их.

К концу второго года деньги исчезли окончательно.

Сначала из обращения пропали монеты — их перестали чеканить. Потом банкноты — их перестали печатать. Банки закрывались один за другим. Кредиты, ипотеки, вклады — все превратилось в цифры на сломанных экранах. Люди не платили, потому что нечем. Банки не взыскивали, потому что некому.

Экономика рухнула. Потому что незачем. Не упала — именно рухнула. Как картонный домик, из которого вынули одну карту. Все, что держалось на деньгах, на торговле, на производстве, на транспорте — все это перестало иметь смысл.

Но люди не голодали. Не мерзли. Не болели. Ведь Центры давали все.

Люди назвали это Золотым Веком.

Не сразу. Сначала слово «рай» мелькало в газетах, потом «утопия», затем «новый мир». Но прижилось именно «Золотой Век». Что-то из древнегреческих мифов, что-то из мечтаний человечества на протяжении тысяч лет.

Золотой Век наступил. И люди были счастливы.

Некоторые — да. Большинство — почти. Все — сыты, одеты, здоровы. Кому нужно больше? Оказалось, некоторым нужно.

Прошло семь лет.

Семь лет сытой, спокойной, бессмысленной жизни. Семь лет, за которые человечество успело забыть, что такое голод, холод, страх за завтрашний день. Семь лет, за которые родилось новое поколение — дети, никогда не видевшие очереди в магазине, не державшие в руках денег, не слышавшие слова «работа».

Их называли сибаритами. Сначала это было прозвище — насмешливое, с оттенком презрения. «Сибариты» — те, кто променял труд на удовольствия, развитие на потребление, будущее на вечное «сейчас». Но прозвище прижилось, потеряло негативный оттенок и стало самоназванием.

— Я — сибарит, — говорил человек, и в его голосе звучала гордость. — Я живу в Золотом Веке. Мне не надо работать, чтобы есть. Мне не надо учиться, чтобы жить. Мне не надо бороться, чтобы дышать. Я просто... есть.

Типичный сибарит просыпался около полудня. Не потому, что не мог встать раньше — просто незачем. Работа не ждет. Начальник не позвонит. Дела, которые нельзя отложить, исчезли вместе с финансовыми проблемами. Сибарит потягивался, шел в ванную — вода текла из крана всегда, горячая и холодная, сколько угодно. Завтракал тем, что приносил из Центра накануне — или шел в Центр прямо в пижаме, потому что на него никто не смотрел косо. Для самых ленивых были пищепроводы. Нажатием нескольких клавиш сибарит мог получить любое готовое блюдо уровня мишленовского ресторана.

Центр работал круглосуточно. Там всегда были люди. Кто-то брал еду, кто-то — одежду, кто-то — новые смартфоны, которые появлялись каждую неделю, хотя старые работали отлично. Дети играли в холлах Центров — просторно, светло, безопасно. Старики сидели на скамейках рядом — им некуда было спешить, и они смотрели на молодых с легкой грустью, которую уже почти не помнили.

После завтрака сибарит решал, чем заняться. Хобби.

У всех были хобби. Кто-то рисовал — краски и холсты в неограниченном количестве всегда давал Центр. Кто-то музицировал — инструменты и ноты снова давал Центр. Кто-то просто лежал на диване и смотрел сериалы — телевизоры, интернет, бесплатное электричество бесперебойно давал пресловутый Центр.

Хобби не требовало результата. Не нужно было становиться великим художником, чтобы рисовать. Не нужно было давать концерты, играя на гитаре. Не нужно никому ничего доказывать — просто трать личное время в свое удовольствие.

Кто-то заводил романы. Любовь в Золотом Веке стала главным развлечением. Без работы, без обязанностей, без социальных лифтов оставалось только одно приключение — другое сердце. Сибариты влюблялись, расставались, сходились снова, мучили друг друга ревностью, мирились на Центральной площади под взглядами равнодушных небес.

Детей в Золотом Веке стало меньше — но те, кто рождались, росли в тепле и сытости. Их не учили в школах, потому что школы закрылись — зачем учить, если все знания уже есть в Центре? Достаточно попросить — и любой учебник, любой курс, любой язык появится в твоём гаджете.

Но дети все равно не учились. Потому что незачем.

Кто-то пил. Алкоголь Центр выдавал без ограничений. Сибариты пили в одиночку, пили компаниями, пили на площадях, пили на крышах и в ночных клубах. Утро встречали с головной болью и шли в Центр за лекарством. Лекарство работало.

Кто-то умирал. Смерть в Золотом Веке была тихой. Без голода, без холода, без забытых болезней. Люди умирали в основном от старости. Иногда от несчастных случаев. И очень редко от рук других людей. Драться было незачем, но желание иногда находило. Центр выдавал бинты и антисептики. Оказывал любую медицинскую помощь.

Медицина пришельцев творила чудеса. Рак, который еще десять лет назад убивал миллионы, теперь лечился за неделю. Сердечно-сосудистые заболевания исчезли. Диабет забыт. Простуда проходила за час.

Сибариты перестали бояться смерти. Не потому, что стали смелее. Просто смерть отодвинулась так далеко, что о ней перестали думать. Есть сейчас. Тепло сейчас. Удовольствие сейчас. А завтра — будет завтра.

Анклавы сопротивления называли это «отупением». Сибариты смеялись в ответ.

— Вы просто завидуете, — говорили они неолуддитам, когда редкие повстанцы появлялись в городах. — Завидуете, что мы счастливы, а вы гниете в своих лесах, чините старые генераторы и едите кашу из топора. Идите к нам. Центр примет всех.

Неолуддиты качали головами и уходили обратно в леса.

Их было мало. Очень мало. Несколько миллионов на миллиарды сытых, довольных, счастливых людей.

Сибариты пренебрежительно называли их «дауншифтерами».

— Бедные родственники, — писали они в своих аккаунтах социальных сетей. — Не могут принять новый мир. Жалеют себя. Мы их не трогаем. Пусть живут как хотят.

Но иногда — редко, очень редко — сибарит смотрел в небо на серебристые корабли, которые висели там уже семь лет, и думал: «А почему они не улетают?»

Ответа не было. Пришельцы не отвечали на вопросы. Они просто давали.

И сибариты перестали интересоваться.

Но не все приняли дар.

В первые годы Золотого Века таких было ничтожно мало — единицы на миллионы. Их считали сумасшедшими, параноиками, врагами прогресса. Ими пугали детей: «Не будешь слушаться — тебя украдут в лес эти...». Им не завидовали, их жалели.

Они уходили сами. В леса, в горы, в пустыни, в заброшенные деревни. Туда, где не было Центров, не висели в небе серебристые диски, не пахло халевным счастьем. Туда, где надо было работать, чтобы есть. Мерзнуть, чтобы согреться. Болеть, чтобы выздороветь.

Их называли неолуддитами. Название придумали сибариты — сначала как насмешку. Луддиты — те, кто двести лет назад ломал станки, боясь, что машины отнимут работу. Неолуддиты — те, кто отверг дары пришельцев, боясь, что те отнимут человеческое достоинство.

Насмешка прижилась. Но обидной не стала. Неолуддиты приняли это имя, как боевое крещение. Да, мы ломаем. Но не станки — рабство. Зависимость от манны небесной.

Почему они ушли? Причин было много. И у каждого — своя.

Кто-то помнил вкус настоящей работы. Когда результат зависит от твоих рук, а не от серого обезличенного куба. Кто-то не мог смотреть, как его дети растут без школы, без обязанностей, без будущего. Кто-то просто чувствовал: что-то здесь не так. Щедрость пришельцев не может быть бескорыстной. Рай не может быть бесплатным и вечным. Когда-нибудь этот аттракцион неслыханной щедрости остановится и на выходе кондуктор спросит билет.

Они не могли это доказать. Только чувствовали. И уходили.

Первые годы для них были тяжелыми. Люди умирали от холода — не успели заготовить дров. От голода — урожай погибал от засухи. От болезней — лекарств не было, врачей тоже. Те, кто не выдерживал, возвращались в города. Их не осуждали. Только смотрели вслед.

Но те, кто оставался, становились крепче.

К третьему году анклавы обрели форму. К пятому — устоялись. К седьмому — научились не только выживать, но и растить новое поколение.

Анклав — это заброшенная деревня, старый пионерский лагерь, бункер времен холодной войны. Несколько десятков или сотен человек. Общие кухни, общие мастерские, общие огороды. Деньги не нужны — их заменяет труд. Работаешь на общину — община кормит тебя.

Выращивали еду. Огороды, теплицы, куры, козы, иногда — коровы. Неолуддиты вспоминали то, что их деды знали, а отцы уже забыли. Сеяли, пололи, поливали, собирали урожай. Хлеб пекли в печах. Молоко сцеживали вручную. Мясо солили в бочках. Технику чинили сами.

Работали. В анклавах ценились те, кто умел паять, строгать, ковать, варить. Старые генераторы, выброшенные сибаритами, здесь разбирали до винтика и собирали заново. Компьютеры на допотопных процессорах работали годами, потому что их ничем было заменить. Антенны ловили обрывки сигналов из городов — новости, музыку, чужое счастье.

Учили детей. Без гаджетов, без индивидуальных программ, без «обучения через удовольствие». Доски, мел, тетради, ручки. Таблицы умножения на стенах. Учителя — те, кто помнил настоящие школы. Дети в анклавах знали намного больше, чем их сверстники в городах. Гораздо больше. Потому что им это было нужно. Для жизни.

Пришельцы не трогали анклавы. Не нападали, не уговаривали вернуться, не отключали электричество над лесами. Только дроны-разведчики висели в небе — серые точки, которые щупали землю, записывали, докладывали. Неолуддиты сбивали дроны — пришельцы присылали новых. Не война, но и не мир. Холодное наблюдение.

Ресурсы анклавов таяли. Многие возвращались в города — в тепло, в сытость, в забытие. Но оставались те, кто понимал: что-то здесь не так. Совсем не так.

Глава 1

Егор открыл глаза за минуту до будильника.

Это была старая привычка, оставшаяся с тех пор, как он учился в Бауманке. Тогда ему казалось, что умение просыпаться вовремя без посторонней помощи — важный навык для инженера. Теперь он просто не видел смысла тратить время на чужой сигнал.

Будильник — старый переделанный советский с огромной трещиной через весь корпус — все равно не подвел. Он прозвенел ровно в шесть, пронзительно и недовольно, как старый пес, которого заставляют идти на прогулку в дождь. Егор щелкнул рычажком, и тишина вернулась в комнату.

Келья — иначе это помещение не назовешь — была четыре шага в длину и три в ширину. Раньше здесь, видимо, была кладовка пионерского лагеря. Стены из некрашенных досок, щели законопачены паклей и замазаны глиной с опилками. Пол земляной, утрамбованный до твердокаменного состояния. У дальней стены — железная кровать, накрытая серым солдатским одеялом. У ближней к двери — самодельный стол из старого дверного полотна, на котором стояли ноутбук, паяльник с подставкой, моток проводов и кружка.

Пустая кружка. Егор снова забыл принести воду с вечера.

Он сел, свесил ноги с кровати, поежился. Майское утро в лесах Подмоскovie было прохладным — градусов десять, не больше. Печка в келье не топилась с вечера, и воздух успел выстыть. Егор натянул свитер — старый, драный на локтях, но теплый — и сунул ноги в кирзовые сапоги.

Сапоги были на два размера больше. Их выдали на складе, когда он только пришел в анклав, и Егор до сих пор не нашел им замены. В городе, говорят, в Центрах выдают любую обувь — любую, на любой размер, даже с подогревом. Но Егор не завидовал. Он вообще старался не думать о городе.

За окном — щит, сколоченный из фанеры и закрывавший половину проема — виднелся серый рассвет. Небо висело низко, обещая грозу. На вышке, торчавшей из-за крыши соседнего корпуса, монотонно вращалась антенна ПВО. Егор машинально отметил, что она работает штатно. Это было хорошо. В прошлую среду система забарахлила, и дроны-разведчики прощупали анклав почти вплотную.

Он умылся из рукомойника, висевшего на стене. Ледяная вода обожгла лицо, разогнав остатки сна. Полотенцем служил кусок старой простыни, жесткий и колючий, но чистый. Егор вытерся, пригладил рукой волосы и вернулся в комнату.

На столе уже ждал завтрак. Вчерашний.

Брикет «Синтетической лапши быстрого приготовления, вкус говядины с грибами». Анклав получал такие ящиками от спонсоров — сибаритов, которые время от времени жертвовали «бедным родственникам» просрочку из Центров. Лапша не портилась, была относительно съедобной и не требовала варки. Достаточно залить кипятком.

Кипятка сегодня не было. Чайник перегорел еще позавчера, а починить его Егор все не находил времени. Он разжевал брикет сухим. Сухая лапша царапала горло, но, как говорится, ешь что есть.

В дверь постучали.

— Входите, — сказал Егор, не отвлекаясь от завтрака.

Дверь — тоже самодельная, сбита из тех же досок, что и стены — со скрипом отворилась. На пороге стоял пацан лет двенадцати, в слишком длинной телогрейке и резиновых сапогах. Сын электрика Семена, кажется.

— Егор Верещагин? — спросил пацан официальным голосом, хотя они были знакомы.

— Он самый.

— Вам в мастерской сказали передать. Лев Кузьмич просили прийти пораньше. Там с генератором что-то.

— Что именно?

Пацан пожал плечами:

— Не знаю. Я не понял.

— Передай, что сейчас приду.

Пацан кивнул и исчез. Дверь не закрылась — он был не в силах справиться с тяжелой створкой. Егор вздохнул, встал, накинул куртку. Генератор — это серьезно. Если старый дизель встанет, анклав останется без света, а без света — без связи, без ПВО, без отопления. В мае отопление не так страшно, но все равно неприятно.

Он вышел из кельи.

Утро в анклавe только начиналось.

Анклав просыпался медленно, словно старый человек после тяжелого дня.

Корпуса бывшего пионерского лагеря «Солнечный» стояли полукругом вокруг центральной площади, где когда-то поднимали флаг и проводили линейки. Теперь почти всю площадь занимали грядки — картошка, морковь, лук. Землю удобряли перегноем из компостных ям, и запах стоял соответствующий. Егор давно привык. Городские спонсоры морщили носы.

Он свернул на центральную аллею — бывшую дорожку, посыпанную песком, который уже давно смешался с землей. Слева от него тянулся жилой корпус, переделанный под общежитие. На крыше висела самодельная антенна — кто-то из умельцев ухитрился собрать ее из обломков трех спутниковых тарелок. Справа — бывшая столовая, теперь общая кухня. Из трубы валил дым: кто-то уже топил печь, готовил завтрак для общей столовой.

— Егор! — окликнули его.

Он обернулся. У крыльца столовой стояла тетя Зина, завхоз. Женщина лет шестидесяти, в ватнике и резиновых сапогах, с неизменным платком на голове.

— Здравствуйте, тетя Зин, — сказал Егор, подходя ближе.

— Здравствуй, родимый. Слушай, у нас там свет опять моргает. Ты посмотри сегодня, а?

— Сегодня не обещаю. Кузьмич вызвал, генератор барахлит.

Тетя Зина вздохнула, поправила платок:

— Генератор, генератор. А у нас холодильники встанут, продукты пропадут. Мы же не сибариты какие, у нас запасы не бесконечные.

— После генератора постараюсь выбраться, — пообещал Егор. — Если что, приходите в мастерскую, напомните.

— Пришлем кого-нибудь, — кивнула тетя Зина и скрылась за дверью.

Егор пошел дальше. Через двадцать метров его снова окликнули — на этот раз дядя Ваня, бывший водитель грузовика, который теперь заведовал автопарком анклава (двумя раздолбанными «Газелями» и тремя тракторами).

— Верещагин! — гаркнул он, высунувшись из-за капота одной из «Газелей». — Слушай, у меня тут стартер барахлит. Не хочет крутить, когда холодный.

— Подожди, дядь Вань, — отмахнулся Егор. — Сначала генератор, потом твой стартер. И холодильники на кухне.

— А когда ж ты до меня дойдешь? — обиженно спросил дядя Ваня.

— Ну, — Егор задумался. — Через пару дней, наверное. Если ничего серьезного не случится.

— Вечно у всех серьезное, — проворчал дядя Ваня и снова нырнул под капот.

Егор усмехнулся. Этот разговор повторялся каждую неделю. У каждого в анклавe была к нему просьба, и каждый считал свою — самой срочной. Егор уже привык. Он даже вел список в голове. Генератор, холодильники, стартер, потом у кого-то телевизор сломался, у кого-то компьютер завис. Работы хватало.

Он миновал жилой корпус и вышел к бывшему спортзалу — самому большому зданию в лагере. Здесь теперь была мастерская. Снаружи здание выглядело обшарпанным — штукатурка осыпалась, крыша кое-где была залатана шифером, окна заколочены фанерой. Но внутри, как знал Егор, было самое дорогое — оборудование.

Перед входом он остановился и поднял голову.

На вышке, прилепленной к крыше спортзала, вращалась антенна ПВО. Радар, собранный из запчастей от военных самолетов, сканировал небо в поисках дронов. Рядом торчала «Глушилка» — устройство, которое Егор сконструировал сам из старых микроволновок и армейского генератора помех. Оно срабатывало не всегда, но это лучше, чем ничего.

Егор перевел взгляд на небо — серое, низкое, навевающее тоску. В прошлую среду в такую же погоду прилетали дроны. Три штуки. Два сбили, один ушел. Наверняка, унес с собой свежие снимки анклава. Или записи разговоров. Кто знает, на что способна техника пришельцев.

Он толкнул дверь и шагнул в мастерскую.

Внутри пахло железом, озоном и старыми тряпками. Этот запах Егор узнал бы из тысячи. Он въелся в бетонные стены, в дощатый пол, в потолочные балки. Его не выветривали ни сквозняки, ни время, ни тысячи чашек кофе, выпитых здесь за тесным столом у окна.

Глава 2

Мастерская была большим прямоугольным помещением с высокими потолками. Когда-то здесь играли в баскетбол, и разметка на полу еще угадывалась — бледные линии, почти стертые подошвами. Теперь вдоль стен стояли верстаки, заваленные инструментом, деталями, платами, проводами. В углу громоздился старый токарный станок, найденный анклавом на закрывшемся заводе. Рядом — стеллажи с коробками, подписанные неровным почерком: «кондюки», «резисторы», «транзисторы», «разное»...

В центре мастерской, на самодельном постаменте из шпал, стоял генератор.

Дизельный генератор старой советской школы — огромный, местами ржавый, но в целом — верный. Он питал анклав энергией уже три года, и каждый день все молились, чтобы он не заглох. Сегодня он кашлял, дымил и явно был не в духе.

Возле генератора суетился Лев Кузьмич. Егор увидел его сразу. Кузьмич стоял на коленях перед открытой панелью управления, подсоединял тестер к клеммам и тихо ругался сквозь зубы. Он был сухоньким старичком лет семидесяти, с жилистыми руками и острым кадыком. Его седые волосы торчали во все стороны — он давно махнул рукой на прическу. Перемотанные синей изолентой очки в толстой металлической оправе сидели на носу криво, но Кузьмич не обращал на это внимания.

— Долго ты, стажер! — сказал Кузьмич, не оборачиваясь. — Я уж думал, до обеда не доползешь.

— Здравствуйте, Лев Кузьмич, — ответил Егор, скидывая куртку на ближайший стул. — Что с генератором?

— А то же самое, что и всегда. Сдохнуть хочет, паразит. Напряжение скачет, фазы пляшут. Я уж и контакты прочистил, и реле поменял — не помогает.

Он поднялся с колен с трудом — ноги затекли, спина хрустнула. Кузьмич выпрямился, поправил очки и впервые посмотрел на Егора:

— Слушай, стажер, у тебя голова свежая. Посмотри, может, ты увидишь что-то, чего я не заметил.

Егор подошел к генератору, заглянул в открытую панель. Пахло горелой проводкой. Он знал эту машину — знал каждый болт, каждую шестеренку, каждый сантиметр провода. Он провел пальцем по клеммам, прислушался к себе.

— А ты реле напряжения проверял? — спросил он.

— Проверял. — Кузьмич был почти обижен. — Я тебе сказал уже — все проверил.

— А второй раз?

Кузьмич замолчал. Потом буркнул себе под нос:

— Ладно, проверим еще раз.

Он полез в ящик с инструментами, достал новый тестер — старый сторел на прошлой неделе — и начал цепляться к контактам. Егор отошел в сторону, сел на табурет у окна и стал ждать.

Он не обижался на «стажера». Кузьмич называл так всех, кто был моложе его — а таких в анклаве было большинство. Сам он пришел сюда пять лет назад, одним из первых. Работал на заводе, потом на электростанции, затем в ремонтных мастерских. Когда пришельцы закрыли последнюю электростанцию, он не пошел в Центр за халявным электричеством. Собрал вещи и ушел в лес.

— Так ты, говорят, в Бауманке учился? — спросил Кузьмич, не отрываясь от тестера.

— Да, — ответил Егор.

— И чему вас там учили?

— Инженерному делу. Робототехнике.

— Робототехнике... — Кузьмич хмыкнул. — А паять умеешь?

— Умею.

— И чинить вот это вот? — он кивнул в сторону генератора.

— Теперь умею. Здесь научился.

Кузьмич одобрительно крякнул. Это был высший знак похвалы — Кузьмич редко одобрял кого-то вслух.

— А в город чего не ушел? — спросил он вдруг. — Молодой, здоровый. Сибариты тебя с руками оторвали бы. Квартира бесплатная, девки бесплатные, жратва...

— А вы? — перебил Егор. — Вы почему не ушли?

Кузьмич поднял голову, посмотрел на него поверх очков.

— Я — старый. Мне уже идти некуда. А ты молодой.

Егор помолчал. Потом сказал тихо:

— Я не хочу быть овощем.

— Кем?

— Овощем. Который лежит на диване, жрет халявную еду и смотрит в потолок. Я видел таких. Они не живут. Они существуют.

— А мы живем? — спросил Кузьмич. — Тут? В холоде, в голоде, каждый день боясь, что дроны налетят?

— Живем, — твердо сказал Егор. — Потому что мы сами решаем, как нам жить. А не пришельцы за нас решили.

Кузьмич долго смотрел на него. Потом отвернулся к генератору и сказал:

— Ты это... того. Не обижайся, что я тебя стажером зову. Это я так, для бодрости. Ну и чтобы ты не расслаблялся...

— Я не обижаюсь, Лев Кузьмич.

— Ну и ладно. — Кузьмич почесал затылок. — А реле я действительно не проверял. Дай-ка сюда "цешку".

Егор протянул ему прибор. Кузьмич снял реле, замкнул контакты — генератор чихнул и заработал ровнее.

— Тьфу ты! — выругался Кузьмич. — А ведь я, выходит, прошлый раз его не дождал. Так и оставил разомкнутым.

— Бывает, — улыбнулся Егор.

— Не бывает, — буркнул Кузьмич. — Не бывает у настоящего инженера. А у стажера — бывает. Значит, я еще стажер. А ты, выходит, уже инженер.

Он закрыл панель, вытер руки ветошью и посмотрел на Егора уже без обычной ворчливости:

— Слушай, а ты историю свою рассказывал? Как сюда попал?

— Было дело, — ответил Егор, понимая к чему Кузьмич клонит.

— И сейчас расскажешь. Чай пить будем. У меня как раз заварка есть, — Кузьмич полез в свой стол, достал железную кружку и пакетик с какой-то травой. — Не настоящий, конечно. Но лучше, чем пустой брикет с лапшой, мне уже доложили — подмигнул мастер.

Егор вздохнул. Чай с Кузьмичом — это надолго. И неизбежно. Он облокотился на верстак и начал рассказывать.

Он рассказывал о том, как учился. Как любил свой институт, свою кафедру, свои лаборатории. Как профессора в нем души не чаяли, прочили аспирантуру. Как он паял свои первые платы, писал первые программы для роботов-манипуляторов.

Рассказывал, как все рухнуло в один год.

Кафедры закрывались. Преподаватели увольнялись — не потому, что не хотели работать, а потому, что некому было платить зарплату. Студенты разъезжались по домам — зачем

учиться, когда Центр дает все? Лаборатории пустели. Оборудование растаскивали по помойкам.

Егор держался почти год. Пытался учиться сам, по книгам, по старым конспектам. Но в одиночку, без лабораторий, без наставников — это было как учиться плавать в пустом бассейне.

А потом он впервые пришел в Центр.

Не за благом — просто посмотреть. Увидел толпы счастливых, пустых людей. Увидел, как старики, которые всю жизнь проработали на заводах, стояли в очереди за бесплатными пирожками и улыбались беззубыми ртами. Увидел, как дети, которые могли бы учиться физике и математике, играли в телефонах, полученных в том же Центре.

И понял, что не хочет так жить.

Он собрал рюкзак — ноутбук, паяльник, инструменты, несколько книг — и уехал.

Сначала был в одном анклав, потом в другом, потом нашел этот — «Солнечный». Здесь его приняли. Сначала недоверчиво, как всех новеньких. Потом, когда он за месяц починил генератор, настроил связь и починил ПВО — стали уважать.

Кузьмич слушал молча, попивая травяной чай. Только иногда кивал.

— Лев Кузьмич, я же вам эту историю почти каждую смену рассказываю. Зачем снова? — спросил Егор.

— А ты не думай, Лев Кузьмич, еще не ушел в маразм. Мне это нужно, чтобы понимать, не передумал ли ты, не пересмотрел ли свои принципы.

— А девка у тебя есть? — внезапно поменял тему Кузьмич.

— Что?

— Девка. Девушка. Женщина. Баба, проще говоря. Лия там, из соседнего корпуса. Я видел, как ты на нее поглядываешь.

Егор покраснел. Это было заметно даже в тусклом свете мастерской.

— Вы о чем, Лев Кузьмич?

— О том, что молодой ты, горячий. А паяльником сыт не будешь. Сходи к ней. Телевизор портативный у нее сломался, говорят. Почини.

— Я уже обещал...

— Ну и молодец. — Кузьмич допил чай, поставил кружку на стол. — А теперь давай работать. Генератор-то мы починили, но там еще регулятор напряжения гудит. Надо смотреть, пока совсем не рассыпался.

Егор кивнул, встал, подошел к генератору. Но в голове уже крутилась мысль о Лии. О ее улыбке. О телевизоре, который она просила починить.

Регулятор напряжения они доделали только к обеду.

Генератор больше не кашлял, не дымил и выдавал ровные двенадцать вольт. Кузьмич пару раз обошел его кругом, прислушиваясь, постучал по корпусу отверткой и удовлетворенно крикнул.

— Теперь еще год проработает, — сказал он. — А там, глядишь, и войне конец.

— Какой войне? — удивился Егор. — Мы же не воюем.

— Вот и я о том же, — хитро прищурился Кузьмич. — Не воюем. А должны бы.

Егор не стал уточнять, с кем и зачем. Он знал, что Кузьмич не любит прищельцев, хотя никогда не говорил об этом прямо. Только вот такие — половинчатые фразы, намеки. «Не воюем, а должны бы». «Хорошо живем — аж спать не хочется». «Дареному коню в зубы смотрят, а потом жалеют».

Кузьмич посмотрел на старые часы — «Победа», на ремешке из кожи, которую он сам выделывал.

— Полпервого, — сказал он. — Давай-ка обедать, стажер. Перерыв до двух. Потом вернешься — разберем тот старый блок питания, я тебе схемы покажу.

— Хорошо, — кивнул Егор.

Он накинул куртку, вышел из мастерской и сел на крыльце.

Светило солнце — майское, теплое, но еще не жаркое. Небо очистилось от утренней серости, и теперь над анклавом стояло чистое небо. Без туч и инопланетной гадины. Дронов тоже не было — по крайней мере, видимых. Но Егор знал, что они всегда где-то рядом, часто налетая словно из ниоткуда.

Он достал из кармана брикет лапши.

«Синтетическая лапша быстрого приготовления, вкус говядины с грибами». Сегодня он все-таки прихватил кипяток — налил в термос в мастерской, оставшийся от чаепития с мастером. Теперь залил лапшу, закрыл крышкой и стал ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.